

# НА ОСТРОВЕ АФРОДИТЫ

Песня моя — к Афродите прекрасной и златовенчанной,  
Чести великой достойной. В удел ей достались твердыни  
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным  
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира...

(Из Гомеровых гимнов).

**НЕДАЛЕКО** от небольшого кипрского городка Пафос, в море, близ берега, высится скала, окруженная подводными камнями. «Многозвучные волны» моря, ударяясь о скалу и камни, рассыпаются жемчужной пеной. Вот здесь-то, согласно преданию, и родилась из пены морской богиня любви Афродита.

Человеку, попавшему в эти места, нетрудно представить себе, как это было.

...Много тысячелетий тому назад, в одно из удивительных золотистых утр, которыми так славится Кипр, вышла, вероятно, из этих пенистых вод юная киприотка. Купальщицу увидел стоящий на берегу поэт. Пораженный зрелищем этой гордой, сияющей наготы, он создал прекрасную сказку о «златовенчанной» богине.

С тех пор эта сказка, повторенная в Гомеровых гимнах и статуях, в бессмертном холсте Боттичелли, живет в мире, радуя людей.

На географической карте Кипр по форме своей напоминает гитару. К этой небольшой гитаре, лежащей в необъятном голубом футляре Средиземного моря, издавна тянулись чужие и жадные руки. Все хотели заставить ее звучать в унисон со своей музыкой. И это понятно: маленький гористый остров восточной части Средиземноморья был и остается важнейшим стратегическим плацдармом на стыке европейского, азиатского и африканского континентов. Тугой узел жарких политических страстей, торговых расчетов и военных авантур стянул у самого горла благоуханного острова Афродиты, сделав его на протяжении тысячелетий игрищем грозного бога войны.

Кипр — родной брат Эллады. Греки пришли сюда из Пелопоннеса больше трех тысяч лет тому назад. Они создали здесь богатейшие торговые города, построили величественные храмы и театры, навечно вписанные в пейзаж этой цветущей страны, воздвигли гимназии и стадионы, где в гармоничном сочетании духовных и физических начал воспитывались юноши Кипра. Сохранились свидетельства историков о том, как в древнейшие времена цари Востока посылали своих сыновей учиться на Кипр. За учение царевичей восточные владыки платили по-царски — интервенцией.

**ВМЕСТЕ** с кипрскими друзьями мы едем по острову. И где бы мы ни проезжали — по богатой долине Мессаорие, по кручам горного хребта Традоса, по песчаному берегу синего моря, среди пальм, кипарисов и эвкалиптов, на узких улицах городов и близ деревенских виноградинок, — мы всюду рядом со светлыми памятниками солнечной эллинской цивилизации видели следы бесчеловечных колонизаторских походов и

завоеваний. Вот здесь прошли персы... Вот — тяжелая поступь Александра Македонского... А вот и «каменный рассказ» о Птолемеях на Кипре. То и дело наряду с певучими линиями греческих статуй видишь изображения египетских богов. Изваяние главного жреца храма Афродиты в Пафосе украшено сразу двумя колоннами: египетской и сирийской. Последняя — знак владычества сирийского царя, вероятно, того самого, который посылал на вычку в греческий город Алласия своего наследного принца. Нередко среди руин древних храмов, базилик и гимназий видишь напластование сразу нескольких эпох колонизаций: готический собор с пристроенным к нему минаретом, рядом с водопроводом, «сработанным еще рабами Рима», — византийские плиты или камни руин, сохранившиеся со времен арабских набегов.

История начинается напоминать какую-то сумасшедшую рыночную толкучку: лезут, толкаются... Арабов «вытаскивает» византийский император Никифор Фока. Но ненадолго. Уже движется на Кипр во главе третьего похода крестоносцев наш знакомец по прочитанным в юности романам Вальтера Скотта — король Ричард Львиное Сердце. По острову рассеяны угрюмые замки его наемников. Если ехать по горной дороге от столицы Кипра — Никозии в приморскую Кирению, можно увидеть взгромоздившийся на красновато-серые камни горы огромный замок-крепость святого Иллариона, увенчанный боевой башней, что, словно злая хищная птица, вцепилась в вершину скалы и тревожно поглядывает по сторонам узкими глазами окобнойниц. Так жили и спасались от Кипра захватившие его чужаки-крестоносцы.

Милые романы Вальтера Скотта гужаются в существующих поправках. Хотя, по рассказам кипрских друзей, Ричард Львиное Сердце даже венчался на Кипре, никто не считает его здесь романтическим персонажем. Навсегда повенчан он в сознании народа с разбоем и войной...

**МЫ ПОДЪЕЗЖАЕМ** с друзьями к одному из прекраснейших портовых городов Кипра Фамагусте — городу апельсиновых рощ, навеки прославленному Шекспиром в «Отелло». С понятным волнением я, человек театра, вхожу в каменные ворота замка венецианского мавра. «Замок Отелло». Перед тобой новая глава колонизации Кипра. Да, да! Бессмертная трагедия Шекспира насквозь пронизана духом политической борьбы. Ричард Львиное Сердце выгодно продал Кипр одному из своих вассалов — Гвидо Лузиньяну. Вдова последнего из королей лузиньянской ветви, знатная венецианка Катарина Корнаро, не долго думая, передала «кипрскую гитару» в руки Венеции. Так в конце пятнадцатого века Кипр стал колонией Венецианской республики.

Вскоре в Фамагусту приехал талантливый черный полководец Христофор Моро. Мы идем по его замку. На воротах, над входом, — внушительное изображение венецианского льва. На окруженном массивными крепостными стенами дворе — огромные каменные ядра. Все здесь дышит войной. Низкие, темные коридоры замка совсем как траншеи. Это — тайные выходы к морю. На всякий случай. Узкие каменные башни с клочком неба над головой, пушки на крепостных стенах, грубо сложенные из камня казармы. Но когда подымешься на верхние площадки замка, перед тобой открываются пронизанная солнцем лазурь моря и неба и веселые

разноцветные флаги судов в гавани, и кажется, что ветер доносит сюда тонкий, пьянящий, немного похожий на запах жасмина аромат апельсиновых рощ. В этом сочетании света и подземелий, каменных ядер и сияющего ласкового неба — уже заключен образ шекспировской трагедии.

Однако визит в «замок Отелло» не только подкрепляет наше привычное представление о знаменитой пьесе, но и раскрывает в ней нечто существенно новое. Здесь, в Фамагусте, существует свое особое мнение о «семейной трагедии мавра». В чем секрет, в чем причина злодеяния Яго? В новелле Джеральди Чингито, откуда Шекспир заимствовал сюжет Отелло, Яго был влюблен в Дездемону и мстил за отвергнутые притязания. Как известно, Шекспир решительно отказался от этого мотива. Крупнейшие шекспироведы, режиссеры и актеры предлагали свои талантливые гипотезы, свои философские, человеческие, социальные решения. Мои друзья из Фамагусты подсказали мне еще одно вполне возможное объяснение этого вопроса. В те дни, когда в замке разыгралась рассказанная Шекспиром драма, когда Христофор Моро задушил свою белую жену, к власти над Кипром рвалась Турция. Были близки дни турецкого владычества на острове. Константинополю надо было убрать сильного и справедливого военачальника. И это сделал продажный турецкий наймит — Яго! Так великая любовь Отелло была насмерть ранена отравленными стрелами колониальных распрей.

Слушая эти рассказы в замке, я верил в их подлинность и вспоминал страницы режиссерского экземпляра «Отелло» Станиславского, в которых гениальный мастер нашего театра с такой же политической пристрастностью комментировал эти события в Фамагусте.

Когда Шекспир писал «Отелло», Кипр уже был под властью Константинополя. Об этом, разумеется, Шекспир хорошо знал. Мог ли он предполагать, что спустя три столетия его соотечественники под угрозой ультиматума турецкому султану, якобы защищая азиатскую империю от России, заставят присоединить остров Афродиты к британским владениям. «Англичанам необходим Кипр», — сказал в свое время лорд Биконсфилд, — и они возьмут его». И взяли. Это было в 1878 году.

Я был на Кипре весной 1961 года. Это была первая весна, которую встречал формально независимый Кипр. Без малого столетие бушевала беспримерная борьба киприотов. Когда измученное минувшей войной с нацизмом человечество вкушало заслуженную сладость долгожданного мира, на Кипре еще лилась кровь и рвались снаряды. Английские солдаты под угрозой расстрела заставляли неделями не выходить из своих домов жителей Никозии и Лимасола, пока карательные отряды совершали свои «доблестные» походы в горы. Фельдмаршал Джон Хардинг, стоя в Пафосе перед изумительным, словно живым, торсом Афродиты Пафосской, растроганно говорил свите, что ему хочется погладить трепетное тело богини, и в то же время отдавал приказы, которые несли смерть тысячам киприотов.

**БУДУЩИЙ** Гомер расскажет людям о безграничном мужестве кипрских матерей, которые, сказав зубы, отдавали на смерть во имя великой цели своих сыновей, говоря — «пусть мой сын будет последним». Он расскажет об отважных делах истинных солдат свободы, членов прогрессивной партии трудящихся Кипра (АКЕЛ), о чудесном поколении молодых киприотов, братьев по духу наших комсомольцев, ведущих свою борьбу под знаменами ЭДОНА. Он расскажет о юноше из села Лиси по имени Григорий Авксиндиу, который стал ныне одной из самых прекрасных легенд Кипра.

Я услышал впервые о Григории

Авксиндиу, когда мы вместе с человеком, который стал на Кипре моим другом, — с секретарем ЭДОНА Паносом Пионидисом — писателем, романтиком и прирожденным борцом, подъезжали на машине к селу, где родился герой. Григорий Авксиндиу участвовал в вооруженной борьбе. Это была трагически обреченная борьба, ибо силы были слишком неравны. Не имея возможности разбить врага, Авксиндиу захотел показать ему, как умеют умирать киприоты. Вместе с двумя товарищами он был окружен в пещере карательным отрядом английских солдат. Пещера имела тайный выход. Он мог спастись, но, отправив своих боевых друзей, Авксиндиу остался. Целый день он один вел бой с английскими солдатами, и они не могли сломить его сопротивление. Тогда были вызваны самолеты и танки. Но и они не могли заставить замолчать автомат киприота. Наконец, пещеру окружили сплошным кольцом пламени, в котором погиб герой. Когда солдаты вошли в пещеру, они увидели, что в сожженных, обугленных руках Авксиндиу было зажато оружие. Пылая, как факел, он еще вел бой. Так погиб этот человек-факел, двадцатисемилетний парень, веселый и добрый, который любил жизнь, песни, шутку, любовь, но больше всего — свободу своей земли.

В том же селе Лиси, где провел свое детство Авксиндиу, живет народный поэт Кипра Павел Лиси́дис. Когда я встретил этого стройного, загорелого, седиющего человека с обветренным, словно выдубленным на солнце, лицом кипрского крестьянина, он передал мне рукопись своих стихов о Гагарине. В этих стихах он писал о том, что Гагарин бросил вызов и померялся над самим Зевсом, который сделал людей рабами земли, не подпуская их к небу. Для него, односельчанина Авксиндиу, легендарный герой Кипра и Юрий Гагарин — братья по духу. «Никто не сделает нас больше рабами», — говорил нам старый крестьянин-поэт. Народ героев, земледельцев и поэтов заставил в конце концов Англию официально предоставить независимость острову. Но торжественные декларации далеко не во всем совпадают с реальной жизнью сегодняшнего Кипра.

Едва простившись с пафосской скалой, я увидел, проезжая берегом, как из морских глубин подымалась на вспененную поверхность моря — о нет, не Афродита, а грузная подводная лодка. Неподалеку находилась военная английская база. Над ней развевался английский флаг. Это была территория Великобритании. Аэродромы тяжелых бомбардировщиков.

Подземные склады боеприпасов. Угрюмые бастионы войны. В дни недоброй памяти военных авантюров, направленных против Суэца и Иордании, главные силы агрессоров были сосредоточены на Кипре. Именно отсюда война, как хищная пантера, нацелившись, прыжком ринулась на африканские города.

**ПУСТЬ** поэты пишут стихи о «кипрской гитаре». В военных штабах причудливую форму острова предпочитают сравнивать с пистолетом, который должен быть направлен в нужную сторону. Я видел на Кипре, что значит независимость плюс военные базы. По дорогам с грохотом проносятся английские военные грузовики с вооруженными солдатами в красных беретах. В сияющей голубизне неба рокочат военные самолеты. «Мы здесь, мы не ушли и не собираемся уходить» — напоминает этот рокот. То и дело дорога проходит через владения баз. Это небольшие английские городки: офицерские коттеджи, магазины, кинотеатры, клубы. В любой момент дорога, пересекающая эти поселения, может быть перекрыта. Любой человек, оказавшийся на этой территории, может быть задержан и по любому поводу судим английским судом. Как говорили мне кипрские друзья, крупнейшая электростанция Кипра тоже находится на земле, оставленной за собой Англией. В любой момент свет может погаснуть над Кипром.

Я хочу быть правильно понятым. Я люблю Англию, люблю отнюдь не чопорных, доброжелательных, остроумнейших англичан, из которых чуть ли ни каждый почтальон или полисмен обладает юмором, едва ли не равным Бернardu Шоу, люблю ее веселые зеленые лужайки и парки, ее полные светлой печали песни, ее удивительных живописцев, могучую литературу и театр.

Мы любим Англию, но мы ненавидим все формы колониального рабства. Мы радовались недавно успеху серьезной и деловой английской выставки в Москве, мы от души будем аплодировать артистам Королевского балета в дни их гастролей в Большом театре. Но параду военной техники на Кипре мы аплодировать не будем.

Однажды вечером в Никозии в одном из кафе я слышал, как на просьбу английского офицера спеть какую-то лондонскую песенку эстрадная певица при одобрении всего зала ответила: «На Кипре не хотят больше слушать английских песен». Ответ обидный — ничего не скажешь... Но Англия фельдмаршала Хардинга заслужила на Кипре такой ответ.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.